
Архитектор лабиринта
18+
Марина Хакимова

Марина Хакимова

Архитектор лабиринта

«Автор»
2026

Хакимова М.

Архитектор лабиринта / М. Хакимова — «Автор», 2026

«Архитектор лабиринта» — психологический триллер.Она начинается с тишины. С воды. С ощущения, что ты не можешь пошевелиться и не понимаешь, где ты. А заканчивается... впрочем, не буду рассказывать. Пусть будет неожиданно.Это история о страхе, доверии и о том, как найти выход там, где его не может быть.

© Хакимова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог «На дне» 6
Глава 1 «Диана» 7
Глава 2 «Элеонора» 8
Глава 3 «Валентина» 11
Глава 4 «Светик» 13
Глава 5 «В темноте» 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Марина Хакимова
Архитектор лабиринта

Пролог «На дне»

Вы когда-нибудь погружались в бездну без акваланга, где каждый метр глубины открывает новые, неизведанные горизонты мрака? Ощущали ли вы, как невесомое пространство обнимает вас своими холодными объятиями, лишая ориентиров в этом подводном лабиринте?Когда шансы на возвращение тают, словно дым на ветру, и свет надежды угасает, оставляя вас один на один с безмолвной агонией, вы погружаетесь в пучину, где каждый вздох — борьба за жизнь, а каждый удар сердца — эхо в темноте.

Когда шансы на возвращение тают, словно дым на ветру, и свет надежды угасает, оставляя вас один на один с безмолвной агонией, вы погружаетесь в пучину, где каждый вздох — борьба за жизнь, а каждый удар сердца — эхо в темноте.

Вы остаётесь наедине с тьмой, которая сжимает ваш мир до крохотной точки, где нет места страху, только первобытная сила и жажда выжить. И в этот момент рождается что-то новое — не просто выживание, а рождение сверхновой, перерождение души в глубинах мрака.

Здесь, в этом подводном царстве, где время теряет свою власть, а законы физики уступают место мистике, вы можете ощутить дыхание неизведанного, почувствовать, как границы реальности размываются, открывая путь к чему-то большему, чем просто выживание.

Но мой нос уткнулся в холодный ил. Я лежала на дне. Не в переносном смысле. Буквально — щекой в чёрной жиже. Не могу пошевелиться. Руки и ноги будто налиты свинцом. Пальцы судорожно пытаются нащупать опору, но я чувствую только мокрую грязь. А лёгкие... Они не горят. Они требуют воздуха. Потому что я не дышу. И уже давно. Вода вокруг меня неподвижна. Никакого течения. Только темнота, которая не «обнимает», а давит, как могильная плита.

Паника приходит лишь на несколько секунд. Но сначала недоумение. Где я, чёрт возьми, и как здесь оказалась? Почему я не всплываю?

Я переворачиваюсь на спину и смотрю вверх. Там нет поверхности. Нет бликов от солнца или луны. Нет жизни. Только бесконечная чёрная вода, уходящая в никуда.

Я пытаюсь вспомнить, как меня зовут. Не могу, в голове эхомлирующая пустота. Только где-то на периферии сознания бьётся слабая мысль: «Я нырнула в бездну, но обязательно найду выход!» С чего такая уверенность? Не знаю. Пока я лежу прикованная ко дну и без памяти.

Мысли мечутся лихорадочно, кружатся, словно тысячи мушек в безумном танце. «Неужели это конец? Смерть? Не так я это себе представляла.»

Снова дергаю рукой, что-то крепко держит, не пускает. Сила здесь бесполезна. Я пытаюсь кричать, но звука нет. Абсолютная, ватная, мёртвая тишина.

Наверное, я сплю, очень глубоко уснула - и не могу проснуться. А может, это летаргия? Прошло уже много лет, и я забыла всё: кто я, как меня зовут, какое место я занимала в этом мире.

А может быть, я сейчас нахожусь в очень глубоком сне. Помните фильм с Леонардо Ди Каприо, где сон был внутри сна - ещё один? И главная героиня крутила волчок, чтобы понять, где реальность, а где иллюзия. Там было правило: если запутался в слоях, уже не вернуться. Я не помню, как называется этот фильм, но идею запомнила намертво. Волчок крутится - значит, спишь. Падает - значит, ты дома. А мой волчок? Он не крутится и не падает. Он просто завис в пустоте.

Глава 1 «Диана»

Волчок крутился. Дети с замиранием сердца ждали, где же остановиться стрелочка. Сейчас, сейчас... Она остановится на заветной цифре — тысяча.

Диана Сергеевна уже не первый раз проводила эту игру. Она была классным руководителем 4 «А» и работала в школе уже двенадцатый год. Работу свою она любила — по-настоящему, глубоко, как любят только то, что выбрал не умом, а сердцем. Она пошла в школу по призванию. Ещё когда сама училась в школе, будучи задорной девчонкой с вечно растрёпанными косичками, она задалась вопросом: «А кем же я буду?»

В детстве она много читала. Запоем. Пряталась под одеяло с фонариком, читала под партой на переменах, таскала из библиотеки стопки книг, которые не влезали в рюкзак. И хотела стать писателем. Ей казалось, что нет ничего прекраснее, чем придумывать миры и населять их людьми.

Но мама сказала:

— Зачем тебе это? Ты вряд ли сможешь зарабатывать большие деньги. Сможешь ли ты себя вообще обеспечить? Иди в начальную школу. Ты любишь играть, ты очень образованная, ты очень любишь детей. Там твоё место.

Дианочка, конечно, согласилась. Она вообще редко спорила с мамой. И пошла учиться в университет. Учёба давалась ей легко — она впитывала знания, как губка воду. Лекции, семинары, методички — всё это было понятным, почти родным. Она даже не заметила, как пролетели пять лет. А потом пришла в школу. И поняла: мама была права. Здесь действительно было её место. Сейчас она стояла у доски — невысокая, хрупкая, но с такой уверенной осанкой, что казалась выше. Сорок лет, а выглядела на тридцать пять — свежая, подтянутая, без единой лишней складки. Тёмно-синее платье сидело строго и сдержанно, без вырезов и излишеств, но она умудрялась носить его так, что ткань ложилась по фигуре, подчёркивая гибкую талию и мягкий изгиб бёдер. Никакой яркой косметики — для неё красота была в чистоте. Только лёгкий блеск на губах и едва заметная линия вдоль глаз. Светлые волосы собраны в невысокий пучок, но несколько прядей выбились, касаясь шеи. Тонкая серебряная цепочка с крошечным кулоном в виде раскрытой книги и обручальное кольцо. Но главное, что притягивало в ней, — не лицо и не платье. Диана Сергеевна двигалась так, что от неё невозможно было оторвать глаз. Негромкий, но задорный голос, плавный поворот головы, мягкий взгляд, который успевал заметить каждого. В её движениях читалась та самая глубинная, почти неуловимая женственность, которая не нуждается в демонстрации. Она привлекала мужчин с первого взгляда — сами того не желая, одним лишь тем, как поправляла выбившуюся прядь или чуть наклоняла голову, когда слушала чей-то ответ. Диана Сергеевна смотрела на детей, и в глазах её светилась искренняя теплота. Она любила этот класс. Каждого. Даже Воронцова, который вечно забывал тетради. Даже тихую Смирнову, которая боялась поднять руку. Даже двоечников и отличников — всех.

— Ну что, — сказала она негромко, но так, что все услышали, — кто вытянет тысячу — тот сегодня освобождается от домашнего задания. Идёт?

Дети закричали, засмеялись. Волчок замедлял ход, и стрелочка дрожала между цифрами. Диана Сергеевна перевела взгляд на окно. За ним — школьный двор, серое осеннее небо, голые ветки. Всё, как всегда. Спокойно. Правильно.

Глава 2 «Элеонора»

Красивая эффектная женщина рассматривала витрину с вином. Она была нечастым гостем алкомаркета, но питала к вину особую любовь. Блондинка наклонилась к витрине, и вишнёво-красное платье с глубоким вырезом на спине чуть натянулось, открывая взгляду гибкую линию позвоночника. Медовые волосы с рыжими искорками скользнули вперёд, касаясь стекла. Её ищущий взгляд скользил от бутылки к бутылке.

Элеонора не торопилась. Она знала, что на неё смотрят. И ей это нравилось. Продавец — молодой парень с зализанными назад волосами — замер у кассы, забыв про сканер. Женщина в конце очереди перестала перебирать пакет. Элеонора чувствовала их взгляды кожей. Она улыбнулась уголками ярко-алых губ, поправила золотистую прядь волос, выбившуюся из причёски, и медленно выпрямилась. Каждое движение было отточено, как танец. Она знала, как выгодно повернуть голову, как задержать взгляд на секунду дольше, как будто невзначай провести пальцем по ключице. Это был её воздух. Её топливо. Она не искала внимания нарочно — оно само притягивалось к ней, как металлическая стружка к магниту, и она давно перестала этому сопротивляться.

— Красная этикетка, — прошептала она себе под нос, и в голосе её послышалось удовлетворение. — Ну наконец-то.

Она взяла бутылку двумя пальцами, чуть покачивая, будто пробуя вес на вкус. Стекло было тёплым, гладким. Она повертела её в руке, рассматривая этикетку, и одобрительно кивнула: «Каберне». Неплохо. Очень даже неплохо. С видом победительницы она проследовала к кассе. Каблуки цокали по плитке мерно, уверенно — ритм женщины, которая точно знает, куда идёт и зачем. Она поставила бутылку на стойку и улыбнулась продавцу. Ничего особенного. Просто уголок губ. Взгляд томный, слегка прищуренный, с лукавым блеском. Но парень покраснел до корней волос.

— Спасибо, — сказала Элеонора, и голос её прозвучал как обещание. И то, и другое было неправдой. Просто её голос. Просто она. Она любила выходить из магазина именно так — под взглядами. Знать, что о ней будут говорить. Быть той, которую запоминают. Она не была скромной и не видела в этом ничего плохого.

Элеонора знала, что красива. Не просто симпатична или ухожена — она была той женщиной, которую хочется. С первого взгляда, с первого слова. И она пользовалась этим, потому что это было честно. Она не врала. Она не притворялась. Она просто была собой — и этого было достаточно, чтобы заставить мир обернуться.

Элеонора вышла из магазина, и тёплый, но уже свежий осенний воздух ударил в лицо, но она даже не поёжилась. Женщина остановилась на крыльце, не торопясь уходить. Она достала из сумки тонкую пачку — тёмно-коричневую, с золотым теснением. Ароматизированные. С шоколадным вкусом. Её маленькая слабость, её ритуал.

Щёлкнула зажигалкой, и огонёк на мгновение осветил её лицо — ярко-красные губы, прищуренные глаза. Элеонора затянулась, вдыхая дым медленно, с наслаждением, словно пробуя вино на вкус. Тонкий шлейф какао и табака смешался с осенним воздухом, и кто-то из прохожих обернулся, втягивая носом этот странный, пьянящий запах. Сигарета тлела в её пальцах — длинных и ухоженных, с идеальным маникюром цвета тёмной вишни. Иногда она её подносила к губам, и в этом движении было столько женственности, что даже женщины, проходящие мимо, замедляли шаг.

Элеонора поправила сумку на плече и пошла вдоль улицы. В руке — бутылка вина. На губах — улыбка. В душе — спокойствие. Она любила свою жизнь. Любила своё тело, которое слушалось её с каждой клеткой и в ответ дарило то самое ощущение, которое невозможно

купить или получить от кого-то. Она любила своё отражение, когда проходила мимо витрин. Не из тщеславия. Просто она знала себе цену. И это знание не было навязанным. Оно росло изнутри, как корни старого дерева, которые держат землю. От неё за версту веяло еле уловимой сияющей аурой, которая заставляет мужчин оборачиваться, даже когда они не хотят этого. Она была женщиной, которую замечали. И она была замужем за мужчиной, которым гордилась. Элеонора остановилась на мгновение у витрины с украшениями, но не вошла. Она просто посмотрела на своё отражение. Легко, коротко, будто здороваясь со старой знакомой.

— Привет, — беззвучно сказала она отражению, и та ей улыбнулась в ответ. Она пошла дальше. Мысли текли медленно и приятно. Элеонора вспоминала, как утром муж поцеловал её в плечо, ещё сонную, ещё не проснувшуюся. Как он прошептал: «Ты самая красивая женщина в мире». И она знала, что это не просто слова. Это правда. Для него она была единственной. И она была благодарна ему за эту веру. Её муж — высокий, седеющий на висках, с руками, которые знали, как строить, как держать, как дарить. Инженер. Он не говорил много, но то, что он говорил, всегда было к месту. Он был надёжным. С ним она чувствовала себя в безопасности. И она уважала его за это. И любила. Настоящей, тёплой, взрослой любовью, в которой не было сомнений.

«Иногда я забываю, как мне повезло», — подумала она. И тут же улыбнулась. Потому что она не забывала. Никогда не забывала. Просто редко говорила это вслух.

Элеонора подошла к дому. Трёхэтажный особняк, чуть старомодный, но ухоженный. Деревянные ставни, утопающие в плюще. Муж сам покрасил их прошлым летом. Хозяйка нажала на ручку и вошла в прихожую, как в свой собственный мир.

— Я дома, — сказала она негромко, и из гостиной тут же послышались шаги. Муж вышел, вытирая руки о полотенце. Он остановился, увидев её, и улыбнулся той улыбкой, которую она знала наизусть. Он смотрел на неё, как на чудо.

— Ты уже… с покупкой? — он кивнул на бутылку в её руке. Улыбка стала чуть осторожнее. Элеонора подняла бровь.

— А что? Не рад?

Он сделал шаг вперёд, аккуратно взял её за талию, притянул к себе.

— Видеть тебя рад, — сказал он, мягко целуя её в висок.

— Всегда рад. Но ты знаешь, что бывает после вина.

Элеонора рассмеялась. Звонко, искренне, чуть вызывающе.

— Ты в этом видишь только плохое, дорогой. А я вижу хорошее.

Он покачал головой, но ответил шёпотом, с той лёгкой ноткой опеки, которая появлялась у него только с ней:

— Я вижу, как оно меняет тебя. И я хочу тебя только такой, какая ты есть. Когда ты пьёшь… — он запнулся. — Ты становишься другой.

Элеонора провела пальцем по его губам, останавливая.

— Я всегда та, какая я есть, — сказала она спокойно. — Всегда. Просто иногда я хочу быть чуть ярче.

Он ничего не ответил, взял бутылку из её рук и пошёл на кухню ставить её на стол. Ужин был готов. Он накрыл стол, как умел — с заботой, без лишнего пафоса. Элеонора села напротив него, зажгла свечу. Он взглянул на неё с восхищением.

— Ты… всё это покупала себе? — кивнул на платье.

— Нет, — улыбнулась она. — Это я купила для тебя.

Они ели не спеша. Разговаривали о его проекте, он рассказывал, как чертил схему, как спорил с заказчиком, как всё-таки настоял на своём. Элеонора слушала, чуть наклонив голову, и в глазах её светилось искреннее уважение. Она гордилась им. Тем, как он говорил, как жестикулировал, как загорался.

Она не перебивала. Она вообще редко говорила о себе. Не потому, что скрывала — просто её жизнь была здесь, в этом доме, в этом мужчине, в этом вечере.

Он иногда касался её руки, она иногда клала ногу на ногу — и он замирал. Элеонора знала, что он смотрит на неё. И это не утомляло и не раздражало. Это заполняло её. Потом она встала, подошла к вину, налила себе полбокала. Муж чуть напрягся, но промолчал. Она отпила глоток и прикрыла глаза.

— Вкусно… — протянула она.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, как на картину, которую боится сломать.

— Ты слишком красива для этого мира, — сказал он вдруг.

— Ты слишком добр ко мне, — ответила она, и в голосе её проскользнула та самая хрипловатая нота, от которой у мужчин подкашиваются колени.

Он подошёл к ней, взял бокал из её рук, поставил на стол. Одним движением обхватил её лицо ладонями и поцеловал так, что воздух будто перестал существовать между ними. А когда он отстранился, она не стала тянуть его за собой — она просто посмотрела. Взгляд, от которого у него на мгновение остановилось сердце. И он понял. Не словами — телом. Она чувствовала с ним себя настолько защищённой, что казалось, они не два разных человека, а одно целое. Не две энергии, стремящиеся навстречу, а одна, которая ждала этого слияния весь день, с самого утра, когда он поцеловал её в плечо, ещё сонную. И она знала — сейчас этот момент настал. Он взял её за руку и повёл в спальню. Она не сопротивлялась. Он никогда не брал её грубо, никогда не спешил. Он знал, как зажечь в ней то, что тлело весь вечер. Элеонора лежала на спине, глядя на него сверху вниз — он нависал над ней, и в его глазах было то самое восхищение, от которого у неё внутри всё сжималось. Она провела ладонью по его груди, чувствуя, как бьётся сердце.

— Ты так смотришь на меня, будто я святая, — прошептала она.

— Нет, — ответил он. — Я смотрю на тебя так, будто ты богиня.

— Люблю тебя, — прошептала она тихо и притянула его к себе. Он был осторожен с ней, трепетен, как с чем-то бесконечно ценным. Но она хотела большего — и он чувствовал это. Он прижимал её к себе всё крепче, целовал так, будто боялся потерять. А она отвечала ему — не жадно, а страстно, с той глубиной, которая рождается только из настоящего чувства. Они двигались в темноте, как единое целое. Не соревновались, не играли — просто были. Элеонора чувствовала его руки на своей спине, слышала его шёпот, чувствовала, как он замирает на мгновение, а потом выдыхает её имя. И в этот момент она была счастлива. Не потому, что он её хотел. А потому, что он её любил. По-настоящему. Потом они лежали рядом, и она прижималась к нему плечом, чувствуя, как его дыхание выравнивается. Он гладил её по волосам, и она закрывала глаза, позволяя себе быть слабой. С ним. Только с ним.

— Ты невероятная, — прошептал он.

— Это ты, — ответила она, не открывая глаз. — Это ты делаешь меня такой.

— Я люблю тебя, душа моя, — сказал он шёпотом, целуя её в плечо.

И она была счастлива. Ночью они лежали в тишине, и она смотрела в потолок с чувством полной удовлетворённости. Она была горда: своим мужем, своим домом, своим телом, своей жизнью. Всё, что она имела, было именно таким, как она хотела. Муж уснул, чуть сжимая её руку во сне. Элеонора не шевелилась, не хотела его будить. Она просто лежала, чувствуя, как по венам растекается тёплое, уютное спокойствие. Она закрыла глаза.

— Спасибо, — прошептала она в потолок, ни к кому не обращаясь. Просто — спасибо.

Сон пришёл быстро и глубокий, как и она сама — не знающая сомнений, не нуждающаяся в оправданиях. Элеонора спала. И ей снилась она — уверенная, сияющая. Такая, какой она была каждый день, каждую минуту.

Она заснула с чувством полной победы над этим миром.

Глава 3 «Валентина»

Валентина проснулась в пять утра. Она всегда просыпалась рано, чтобы успеть приготовить завтрак, собрать Ванечку в школу и убедиться, что он вышел из дома сытым. У него с детства проблемы с желудком, гастрит, который то затихал, то обострялся, и она знала: если он пропустит завтрак, день будет испорчен. На плите уже кипела овсяная каша на молоке. Она положила мёд, как он любил, и накрыла тарелку, чтобы не остыла. Разбудила Ваню, помогла ему собрать рюкзак, проверила, взял ли он сменку.

— Садись, поешь, — сказала она ласково, но в голосе уже чувствовалось беспокойство.

— Мам, я опаздываю! — крикнул он из коридора, натягивая кроссовки.

— Ваня, каша стынет...

Но он уже выбежал, схватив с кухонного стола бутерброд, который она успела сделать на всякий случай. Она вздохнула, сунула ему в рюкзак ещё один бутерброд, завернутый в салфетку, и крикнула вслед:

— Хотя бы на перемене поешь! И в школе не сиди на сквозняке!

Дверь хлопнула. Он убежал. А Валентина осталась стоять у плиты, глядя на остывающую кашу. «У него и так проблемы с желудком, — думала она. — А вдруг снова обострение? Вдруг опять в больницу положат? Опять эти ночи, таблетки, анализы...» Она покачала головой, прогоняя видения. Но тревога уже поселилась где-то под рёбрами, и она знала — не уйдёт до самого вечера. До тех пор, пока не увидит его живым и здоровым.

Внутри неё всё равно сидел тот самый холодный ком, который не отпускал её с тех самых родов. Она помнила эту минуту до сих пор. Каждую секунду. Долгие, изнурительные схватки, от которых темнело в глазах. Она сжимала поручни кровати, стиснув зубы, чтобы не кричать, потому что крик отнимал силы, а силы были нужны ему. Ему, который ещё не родился, но уже боролся. Врачи бегали по палате, что-то кричали друг другу, кто-то держал её за руку, кто-то считал пульс. Машины пищали, свет резал глаза, и она слышала только одно: «Давай, мама, давай, дыши, ещё чуть-чуть, он уже близко». А потом — тишина. Ванечка родился синим и не дышал целую минуту. Целую вечность. Она лежала обессиленная и смотрела, как врачи склонились над ним, как кто-то хлопал его по спинке, как кто-то надевал кислородную маску. Она не плакала. У неё не было сил плакать. Она просто шептала губами, без голоса: «Дыши, сынок, дыши». И когда он закричал — тонко, слабо, но живым криком, — она закрыла глаза и выдохнула. Всё тело дрожало от напряжения, но она выдержала. Она была стойкой. Она боролась за него до последнего. И теперь каждый день она снова боролась — за его здоровье, за его жизнь, за его будущее. И никто не знал, как это страшно — любить так сильно, что боишься дышать.

Она вымыла посуду, собралась на работу. Всё утро она поглядывала на телефон — вдруг учительница позвонит и скажет, что Ванечка плохо себя чувствует. Но телефон молчал. И это было хорошо. И это было страшно.

После работы они договорились встретиться в парке. Ваня уже взрослый, двенадцать лет, он сам добирается из школы. Она не встречала его у ворот, как в первом классе. Они встретились у старого дуба, как договаривались, и она издалека заметила, что он хромает.

— Мам! — крикнул он и побежал к ней, чуть прихрамывая на левую ногу. Валентина шагнула навстречу, стараясь не выдать тревогу. Обняла его, поцеловала в макушку, а потом отстранилась и посмотрела внимательно.

— Ты что, опять упал?

— Да нет, мам, — отмахнулся он. — На физре неудачно приземлился, ничего страшного. Пойдём мороженое есть?

— Покажи ногу, — сказала она мягко, но настойчиво. Она присела на корточки, закатала штанину. На коленке — небольшая ссадина, едва заметная. Валентина выдохнула, но внутри всё равно пульсировало: «А вдруг там песок попал? Вдруг начнётся воспаление?»

— Надо дома обработать, — сказала она, вставая.

— Мам, я живой, — засмеялся Ваня, но в голосе проскользнула виноватая нотка. Он знал, что она сразу начнёт переживать. И он уже давно перестал рассказывать ей о мелких травмах, потому что каждое слово превращалось в её бессонную ночь. Они купили мороженое и сели на лавочку. Ваня рассказывал про уроки, про физру, про мальчишек. Валентина слушала, кивала, улыбалась, но краем глаза всё время проверяла, не бледный ли он, не горячий ли лоб. Он был её единственным сыном, выстраданным, вымоленным, и она не могла позволить себе пропустить даже намёк на болезнь.

— Мам, — сказал он тихо, облизывая мороженое, — у меня по математике двойка.

Она замерла. Двойка — не просто оценка. Это значит, он не усвоил тему. Если не усвоил — будет переживать. Если будет переживать — упадёт духом, заболеет.

— Ничего, — сказала она спокойно, хотя внутри всё дрожало. — Вечером разберём. Я тебе объясню. У тебя всё получится, я рядом.

Ваня кивнул, и она заметила, как его плечи чуть расслабились. Дома они переоделись, поужинали. А потом она села с ним за стол, достала учебник по математике и открыла тетрадь. — Давай посмотрим, что ты не понял, — сказала она мягко. Ей самой было трудно — она давно не решала такие задачи, но она брала его тетрадь и вспоминала алгоритмы, чтобы он не чувствовал себя одиноким. Чтобы не сдался. Она объясняла спокойно, терпеливо, снова и снова, пока он не начал понимать. Они сидели до восьми вечера. И когда он наконец решил пример сам, Ваня радостно выдохнул:

— Получилось!

— Молодец, — она погладила его по голове. — Видишь, всё у тебя получилось, сынок.

Он улыбнулся. И она почувствовала, как внутри отступает холод. На один вечер. На один миг.

— Теперь я исправлю двойку, — сказал он уверенно.

— Обязательно исправишь, — ответила она, глядя на него с любовью и болью. — Ты у меня умница.

Ваня ушёл в свою комнату, а Валентина долго сидела на кухне, глядя на его пустую тарелку. Она думала о том, что не всегда сможет быть рядом. Что он вырастет, уйдёт в свою жизнь. Но сегодня он был здесь. И она сделала всё, чтобы он почувствовал себя любимым.

Она встала, убрала посуду и тихо прошептала, глядя на закрытую дверь:

— У тебя всё получится, сынок. Я всегда рядом.

Глава 4 «Светик»

Светик, Солнышко, Лучик - и никак иначе её звали близкие подруги и мама. Все купались в её доброте, тёплых улыбках и душевном свете.

По улице шла девушка с мечтательной улыбкой. Она выглядела старше своих лет. Сейчас она направлялась в магазин — за сладостями и любимыми красками. Да, Света очень любила рисовать. На неё заглядывались взрослые мужчины. Ей это льстило — но и пугало. «Знали бы вы, сколько мне на самом деле лет, старые извращенцы», — думала Светлана. Но она была любопытной девочкой, и в душе ей нравилось быть привлекательной.

Света производила впечатление яркой, творческой, задорной девчонки, которая смеялась громче всех. Она заряжала своим светом всю комнату. Окружающие люди улыбались и тянулись к этому теплу. И она светила. Все вокруг думали, что Светик всегда была весёлой и решительной. Она могла решить любую задачу, да ещё и подойти к ней с гениальной творческой стороны. Словно весна, она была самой жизнью.

— Светик, ну ты где там? — крикнула подруга из соседней комнаты.

— Я тебя жду!

— Иду, иду! — отозвалась она, но вместо того чтобы идти, замерла у зеркала. Крутанулась, поправила лёгкое платье, улыбнулась своему отражению.

— Какая же я красивая, — прошептала она себе, ни капли не смущаясь. Ей нравилось быть собой. Она не играла — она жила. Подруга заглянула в прихожую и улыбнулась, глядя на неё.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Счастливая.

Светик пожала плечами, но улыбка с её лица не исчезла.

— А зачем быть другой? Жизнь такая классная, — она подхватила сумку и вылетела на улицу, оставляя за собой шлейф лёгкого цветочного аромата и смеха.

Но внутри у этой талантливой девочки зияло немало ран, которые она тщательно скрывала. У неё была даже своя теория насчёт плохого зрения. Мама долго не могла произвести её на свет, девочка родилась с гипоксией и астигматизмом. С ранних лет её заставляли носить очки, которые Светик терпеть не могла, считая их уродливыми. Она считала, что это провидение свыше, её карма: не видеть уродство — значит, зрение ей не нужно. У неё прекрасная фантазия, и она работает на все сто. Светик хотела видеть только красивое, а на некрасивое она просто закрывала глаза. Именно поэтому Света любила рисовать красивые картины. Но иногда она изображала страшных чудовищ. Только никому их не показывала. Потому что чудовища должны были остаться внутри неё. Там, где их никто не увидит.

Эту девочку было легко обидеть. Она никогда не чувствовала защиты от родителей. Папа рано ушёл из жизни, а мама выживала как могла — некогда ей было любить. И Света искренне считала, что отец был единственным человеком, который её по-настоящему любил. Света часто обращалась к своему умершему отцу, когда чувствовала себя плохо, была обижена или плакала одна в комнате. Она верила, что он смотрит на неё, помогает и находится рядом, всегда её слышит.

Света обладала невероятной красотой. Её любознательный взгляд и озорные глаза привлекали внимание. Искренняя улыбка обезоруживала мальчишек — все тайно были влюблены в неё в школе. До четырнадцати лет она не задумывалась о любви к мальчишкам и была занята творческими проектами, учёбой, спортом, играми с ребятами. Но однажды к ней подошёл красивый парень не из её школы. Он был старше на три года. Он ухаживал за ней, водил в кино,

угощал мороженым, был галантным. Окружил заботой и вниманием. Света влюбилась. Но всё плохо кончилось. И об этом она старалась не вспоминать. Больше она не влюблялась. А если и влюблялась — бросала первой. Чтобы потом не было больно.

Подруги шли по центральной улице. Лена остановилась и с подозрением посмотрела на Свету.

— Ты сегодня какая-то задумчивая, — сказала Лена, заглядывая в лицо подруги. — Мы собирались поесть мороженого, но ты уже третий раз проходишь мимо кафешки.

Света опустила глаза, тряхнула головой и улыбнулась.

— Всё хорошо, просто задумалась.

— Ты всегда задумчивая, — рассмеялась Лена. — Что, опять картину рисуешь в голове?

Света промолчала, скрывая правду. Она встретила мужчину, в которого влюбилась, и боялась признаться ему в чувствах. Эта тайна должна была остаться только с ней.

— Пойдём, — предложила Света, беря Лену под руку. — Мороженое — отличная идея.

Она улыбнулась тёплой, привычной улыбкой. Никто не мог догадаться, что внутри неё бушевали страх и счастье.

Глава 5 «В темноте»

Сознание возвращалось медленно, будто сквозь густую вату. Первое, что почувствовала Диана, — тепло. Не влажный холод, а сухое, ровное тепло, как в натопленной комнате. Она лежала на чём-то мягком. Подушка? Одеяло? Она провела рукой — грубая, но чистая ткань. Рядом — ещё что-то, похожее на старый плед. Кто-то позаботился о том, чтобы ей было не холодно. Но это тепло не успокаивало. Оно было чужим. Второе — темнота. Абсолютная, плотная, как чёрный бархат. Она открыла глаза и ничего не увидела. Никаких бликов, никаких силуэтов, ни единой точки света. Даже если поднести руку к лицу — не видно. Темнота была настолько густой, что казалась осязаемой.

«Где я?» — первая мысль, острая и холодная. Она провела ладонью по полу — сухой, шершавый бетон. Пахло пылью и чем-то застоявшимся, как в старом подвале. Она попыталась вспомнить, что было до этого. Пустота. Никаких картинок, никаких лиц. Только смутное ощущение, что она куда-то шла, или её несли, или она просто провалилась.

«Почему так темно? Где я? Что вокруг?» — вопросы роились в голове, сталкивались, мешали дышать. Она села. Сердце колотилось где-то в горле. Она провела руками перед собой — ничего. Только воздух, тёплый, сухой, неподвижный. Дома не может быть так темно. Даже ночью сквозь шторы пробивается свет фонарей. Здесь же не было ничего. Абсолютная пустота. Она заставила себя дышать глубже. Прислушалась. И вдруг поняла — она не одна. Где-то рядом, буквально в паре метров, она услышала чужое дыхание. Ровное, спокойное. Кто-то спал. Или просто лежал тихо. И ещё один звук — лёгкое шевеление ткани, кто-то ворочался. И ещё. Кажется, их было несколько. Диана сглотнула. Горло пересохло от страха.

Она попыталась окликнуть, но голос прозвучал хрипло, непривычно громко в этой тишине:

— Кто здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.